

Парижъ и война.

Письмо изъ Франціи.

Jamais encore au cours de toute son histoire
la France n'a été aussi grande qu'à présent.

Viviani.

I.

Наканунѣ великихъ событій.

Въ концѣ іюля 1914 года Парижъ, какъ всегда, на порогѣ grandes vacances, Парижъ жаждетъ отдыха и покоя на морѣ или въ горахъ послѣ десятидневной напряженной работы, парламентскихъ интригъ, газетныхъ и литературныхъ споровъ, свѣтскихъ скандаловъ. На блѣдномъ фонѣ начинающагося мертваго сезона единственнымъ яркимъ пятномъ выдѣляется уголовно-политическій процессъ m-me Кафо, который вновь раздѣляетъ общество на два враждующихъ стана. И за громкими вликами уличной прессы еле слышны первые глухіе удары приближающейся грозы... Но тучи съ зловѣщей быстротой скопляются на горизонтѣ, и опасность европейской коллизіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Въ воскресенье, 26 іюля, утреннія газеты уже полны дипломатическими переговорами державъ, тревожными комментаріями австро-сербскаго конфликта.

Однако отношеніе столицы къ переживаемому критическому моменту еще не опредѣлилось: застигнутый врасплохъ, Парижъ взволнованъ, смущенъ и колеблется.

Вечеромъ того же дня бульвары черны народомъ, который шумными волнами течетъ по направленію къ редакціи *Matin*, гдѣ выставлены въ витринахъ только что полученныя иностранныя телеграммы. Тѣ, кто могутъ, черезъ головы сосѣдей, читаютъ вслухъ нѣсколько сбивчивыя и мало понятныя для непосвященныхъ извѣстія, воздерживаясь отъ всякой ихъ оцѣнки. Вдругъ въ заднихъ рядахъ раздаются энергичные, все

учающіеся возгласы: *à bas la guerre*. Это социалисты-рабочіе, вѣрные лозунгу пассивизма, собрались здѣсь для публичнаго протеста противъ войны. Но никто не вторитъ имъ, и крики ихъ, не встрѣтивъ эха, тонутъ въ народномъ морѣ. Нѣтъ еще у всей этой слишкомъ пестрой, слишкомъ индивидуализированной толпы единой стихійной воли. Каждый, въ зависимости отъ личнаго темперамента, по своему реагируетъ на совершающееся,—кто пугливо отгоняетъ отъ себя мелькнувшій передъ всеми глазами кровавый призракъ, кто тайно призываетъ его, мечтая о грядущихъ возможностяхъ. И всетаки надъ хаосомъ противорѣчивыхъ чувствъ и настроеній несомнѣнно доминируетъ свойственное всякой демократіи миролюбіе: въ отвѣтъ на лозунгъ социалистовъ „долой войну“, никто не кричитъ „да здравствуетъ война“, никто не затягиваетъ воинственной марсельезы.

Такъ проходятъ послѣдніе жуткіе дни невѣстности, въ которые рѣшаются судьбы цивилизованнаго міра. Чаши историческихъ вѣсовъ то поднимаются, то опускаются, а на экранѣ парижской жизни, какъ ленты въ кинематографѣ, великія событія переплетаются съ эпизодами столичной хроники. Отвѣтная сербская нота, несмотря на неслыханную ея уступчивость, объявленіе Сербіи войны Австріей, сосредоточеніе русскихъ войскъ на австрійской границѣ и тщетныя попытки Великобританіи погасить разгорающійся пожаръ, съ одной стороны, съ другой—оправданіе печальной памяти героини 1-жи Кайо и возвращеніе президента Пуанкаре, которому парижане устроили привѣтственную манифестацію передъ Сѣвернымъ вокзаломъ. Но даже 31 іюля, когда Германія подъ прикрытіемъ *Kriegsgefahrzustand'a* спѣшно мобилизуетъ на два фронта столица Франціи еще не открыла настоящаго лица своего и загадочно молчитъ. Строго-консервативный во всемъ, что касается традиціонныхъ обычаевъ, Парижъ не измѣнилъ имъ и на этотъ разъ и представляетъ собою обычную въ это время года идиллическую картину. На вокзалахъ масса уѣзжающихъ на каникулы, веселая болтовня, шутки, смѣхъ, цвѣты. Въ Люксембургскомъ и другихъ публичныхъ садахъ безнечно играютъ милыя чистенькія дѣти подъ надзоромъ матерей, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ туалетахъ. Глаза женщинъ спокойны и ясны, разговоръ ихъ обыденный, житейскій, руки прилежно заняты работой. Только вдругъ кто-то проходя по одной изъ аллей парка, съ чуть уловимымъ вздохомъ сожалѣнія роняетъ по адресу своего спутника эту многозначительную фразу „*Ça ne sera pas encore pour cette fois!*“—Играетъ оркестръ военной музыки, публики много, какъ всегда; она внимательно слушаетъ излюбленный репертуаръ, и никому не приходитъ и въ голову потребовать сверхъ программы исполненія національнаго гимна.

А между тѣмъ завтра вся страна вдругъ поднимется, какъ одинъ человекъ; завтра вождь анархистовъ Густавъ Эрвэ скажетъ во все

услышаніе по поводу убійства друга своего Жореса, главы французскаго социализма:—„Прежде всего защита отчизны. Они умертвили Жореса, мы не умертвимъ Франціи“. 1 августа въ 4 ч. дня по всему городу въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и меріяхъ расклеивается правительственный указъ о мобилизаціи. Въ одномъ изъ уголковъ опустѣвшей Сорбонны на *Faculté des lettres* еще идетъ конкурсный экзаменъ d'agrégation, и тотчасъ по распоряженію декана факультета экзаменъ прекращается, и кандидаты, изъ которыхъ девять десятыхъ должны на слѣдующее утро стать подъ ружья, молча и степенно расходятся по домамъ. И это закрытіе университета, одного изъ важнѣйшихъ органовъ духовной жизни Парижа, является какъ бы сигналомъ для прекращенія всякой вообще мирной дѣятельности и въ столицѣ и въ государствѣ. Пробылъ часъ великаго всенароднаго дѣйствія; отнынѣ существуетъ лишь одинъ долгъ у всѣхъ гражданъ и передъ этимъ долгомъ они всѣ равны. Среди группы профессоровъ и библіотекарей стоитъ въ коридорѣ только что принесшій имъ новость служитель съ розовымъ призывнымъ листомъ, и всѣ они, на прощаніе, безъ лишнихъ словъ сочувственно жмутъ ему руку. Кто знаетъ, вернется ли онъ когда-нибудь съ поля битвы въ эти стѣны? Война 1914 года начинается подъ знакомъ соціального равенства.

На залитыхъ солнцемъ улицахъ тихо, лица рѣдкихъ прохожихъ серьезны и строги; ни криковъ ненависти и злобы, ни громкихъ патріотическихъ пѣсенъ,—благородный выдержанный Парижъ давно пережилъ свою репутацію и пересталъ быть экспансивнымъ, какъ дитя, въ торжественныя минуты своего бытія.

Но когда грянулъ на всю Европу первый военный громъ—сперва дерзкій вызовъ Германіи Россіи, затѣмъ разбойничье нападеніе на французскую границу близъ Лонгви—всѣ разомъ безъ малѣйшаго усилія поднялись на небывалую высоту героизма, почувствовали себя нерасторжимымъ цѣлымъ. Въ мгновеніе ока свершилось чудо національнаго объединенія. „Отечество въ опасности“, и, словно по мановенію волшебнаго жезла, исчезли вдругъ и партіи, и политическіе раздоры, и домашніе споры; не стало больше ни частныхъ интересовъ, ни мелкихъ страстей, и жила лишь одна, какъ солнце, неугасимая любовь къ родинѣ. За мигу Францію всѣ сыны ея готовы пролить свою кровь до послѣдней капли, да, всѣ: въ 24 часа трудолюбивая мирная страна превратилась въ полное смыслѣ слова въ вооруженную націю. Въ огонь, подъ ядра и пули, идутъ не только всѣ двадцатилѣтніе юноши, не только всѣ молодые люди до тридцати, но за ними и почтенные отцы семействъ отъ сорока—до сорока-пяти-восьми лѣтъ. Здѣсь не знаютъ никакихъ льготъ по семейному положенію или по образованію, здѣсь и нѣтъ разницы между единственными сыновьями или даже дѣтьми бѣдныхъ вдовъ и

другими; между рабочими, крестьянами и прошедшими высшую школу буржуа или студентами. Да и какъ же можетъ быть иначе въ республикѣ, съ ея невозрастающимъ населеніемъ и насквозь проникнутой идеей, культомъ равенства, корнями вросшихъ въ душу каждаго француза? Съ точки зрѣнія абсолютной справедливости *l'impôt du sang*—налогъ крови—обязателенъ для всѣхъ способныхъ носить оружіе и не достигшихъ предѣльнаго возраста мужчинъ; исключеніемъ изъ общаго правила являются лишь хронически больные, глухіе, полу-слѣпые и калѣки, а по мѣрѣ того, какъ нужда въ людяхъ растетъ, число окончательно признанныхъ негодными для военной службы все уменьшается.

Итакъ, 2 августа по всей Франціи начался великій „исходъ“, исходъ всей лучшей части населенія на поле чести, и этого прекраснаго зрѣлища не забыть никогда тѣмъ, кто его видѣлъ, безразлично въ столицѣ или въ провинціи... Длинными вереницами проходятъ новые воины, уже оторванные отъ личной жизни, отъ своей семьи и очага, и поютъ стройными сильными голосами *Le Chant du départ*, котораго нельзя слышать безъ глубокаго волненія:

*„La République nous appelle,
Sachons vaincre ou sachons périr:
Un Français doit vivre pour elle,
Pour elle un Français doit mourir!“*

Поютъ и горятъ восторгомъ, точно спѣшать на свадебный пиръ, съ улыбкой идутъ навстрѣчу смерти. И всѣ высыпаютъ имъ навстрѣчу и всѣ глядятъ имъ молча влѣдъ. Не видно заплаканныхъ женскихъ глазъ, не слышно въ рабочихъ кварталахъ или деревняхъ бабьихъ жалобъ и причитаній; тѣ изъ женщинъ, кто послабѣе духомъ, сидятъ дома, остальные вполне владѣютъ собою, даже дряхлыя старухи въ праздничныхъ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепцахъ сидятъ у дверей, сложа на колѣняхъ морщинистыя руки, и съ гордостью любуются на сыновей и внуковъ, которыхъ имъ, быть можетъ, суждено пережить. Вокзалы, съ которыхъ отходятъ поѣзда мобилизованныхъ, полны провожающими; пришли всѣ, кто могли,—матери, жены, невѣсты, сестры и малыя дѣти, толпятся въ переполненныхъ душныхъ залахъ. Въ воздухѣ звучатъ простыя вѣчныя слова, послѣдніе поцѣлуи, лица женщинъ блѣдны, губы дрожатъ и глаза блестятъ сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ, между тѣмъ какъ руки въ сотый разъ тянутся для прощальнаго пожатія. А молодые отбѣзжающіе солдаты, торопясь къ украшеннымъ зелеными гирляндами вагонамъ, машутъ платками, звонко, надрываясь, кричатъ: *Vive la France, Vive l'Alsace!* и съ молодецкимъ задоромъ запѣваютъ *Nous l'aurons, nous l'aurons, la peau de Guillaume!* въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ трогается въ путь. Такъ провожала вся Франція своихъ героевъ.

II.

Медовый мѣсяць войны и дни испытанія.

Несмотря на острую боль разлуки съ близкими, несмотря на томительную муку ожиданія, настроеніе общества въ эти первыя недѣли войны было приподнятое, бодрое и свѣтлое. Пали безчисленныя преграды, обычно мѣшающія сближенію французовъ между собою и мало-по-малу приведшія ихъ къ полной необщительности. Годами жившіе въ одномъ домѣ сосѣди, которые еще наканунѣ только издали обмѣнивались поклонами, вдругъ подошли другъ къ другу и заговорили, какъ старые знакомые, дѣлясь впечатлѣніями и слухами. Въ трамваяхъ и метро, гдѣ прежде царил молчаніе, теперь слышалась оживленная бесѣда и порою въ нее вставлялъ свое слово и раздававшій билеты кондукторъ или замѣнившая его почти повсюду бойкая *receveuse*. Вотъ пожилой рабочій въ длинной запачканной блузѣ, должно быть маляръ, обращается къ сидящему напротивъ солидному буржуа, и понижая голосъ до конфиденціального шопота: — „Eh bien, Monsieur, qu'en dites vous, nous la leur reprendrons *notre* Alsace-Lorraine?“ — Слегка нахмуренный, озабоченный взглядъ господина вдругъ проясняется, и онъ отвѣчаетъ дрогнувшимъ, проникновеннымъ тономъ: „Bien sûr que nous l'aurons!“ Въ противоположномъ углу вагона другой рабочій, на видъ чахоточный, съ жаромъ объясняетъ миловидной мидинеткѣ, почему *la France* „doit marcher pour la Serbie“: и всѣ вторятъ ему съ убѣжденіемъ: „Oui, tous les peuples doivent être libres, c'est ça la vraie justice“.

И нельзя не подвигнуться здравому политическому смыслу всѣхъ этихъ людей, столь различныхъ и по общественному положенію и по образованію, ихъ сознательному отношенію къ завязавшейся гигантомахіи. Въмѣстѣ съ инстинктомъ національнаго самосохраненія, съ завѣтной мечтой о „реваншѣ“, какое у нихъ у всѣхъ вѣками возвращенное общее культурное *credo*, какая вѣра въ торжество демократическихъ идей справедливости и права, братства и свободы народовъ! Война эта, которую вся страна готова вести до конца съ величайшимъ напряженіемъ силъ, должна быть *последней* европейской войной, она должна навсегда сокрушить, раздавить ненавистный прусскій милитаризмъ и покончить съ режимомъ вооруженнаго мира, подъ бременемъ котораго стонетъ цивилизованный міръ. Это повторяютъ рѣшительно всѣ, и никто не сомнѣвается въ благополучномъ для насъ результатѣ этой титанической борьбы, никто, кромѣ стариковъ, слишкомъ хорошо помнящихъ *l'année terrible*—70-й годъ. Съ затаенной тревогой качаютъ они головами, но слабые голоса ихъ еле слышны и не вносятъ диссонанса въ общую симфонію, ибо ихъ ненависть къ врагу еще сильнѣе, еще реальнѣе ненависти смѣ-

нившихъ ихъ поколѣній, которыя лишь понаслышкѣ знаютъ, что такое воюющая Германія. Но сегодняшній день принадлежитъ надеждѣ. Изумившее весь свѣтъ геройское сопротивление маленькой Бельгіи, присоединеніе Англии къ братскому союзу защитниковъ праваго дѣла,—сколько довѣрія, гордости и восторга влили они во все французскія сердца! Въ историческомъ засѣданіи парламента 4 августа—памятное число въ славныхъ лѣтописяхъ французской республики—ярко отразились „патріотическое одушевленіе объединенной націи и, какъ сталь, закаленная ея воля: „быть или не быть“.

Разукрашенный флагами всехъ союзныхъ державъ, помолодѣвшій, похорошѣвшій Парижъ возродился, закипѣлъ жизнью, не похожей на вчерашнее затишье. Прежде всего онъ откликнулся на призывъ всехъ тѣхъ, кто съ остановкой огромнаго трудового колеса внезапно очутились въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. До тѣхъ поръ пока государство не обезпечило семьямъ мобилизованныхъ, а также и безработнымъ насущнаго куска хлѣба, обязанностью всехъ имущихъ было прійти имъ на помощь, не дать впасть съ отчаяніе подъ нависшей угрозой голода. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на описаніи этой первой общественной помощи, о которой слѣдуетъ поговорить особо, скажемъ только, что несмотря на финансовый параличъ, на мораторіумъ, парижская буржуазія съ достоинствомъ выполнила свою трудную задачу. Безъ сомнѣнія, были и отдѣльные случаи эксплуатаціи, примѣры душевной черствости, скудости и узкаго эгоизма, но они, къ сожалѣнію, бываютъ вездѣ и всегда, а въ часы испытанія лишь всплываютъ наружу, какъ грязная пѣна, въ цѣломъ же, повторяемъ, общество оказалось на высотѣ своего соціальнаго долга.

Слѣдующей заботой города, и въ особенности его окрестностей, такъ называемой *banlieue*, явилась охрана мирныхъ жителей противъ возможныхъ нападеній и уличныхъ безчинствъ. Наскоро организовалась полиція добровольцевъ, но имъ не пришлось подавлять никакихъ беспорядковъ, и въ этомъ отношеніи населеніе доказало свое благоразуміе, свое пониманіе высокой серьезности момента. Нельзя однако не упомянуть съ искреннимъ сожалѣніемъ о разгромахъ шайками юныхъ апашей цѣлаго ряда нѣмецкихъ магазиновъ или считавшихся таковыми; разгромы эти, къ счастью, быстро были прекращены вмѣшательствомъ полиціи. Наряду съ этими прискорбными инцидентами, слегка омрачившими приподнятое радостное настроеніе всехъ гражданъ, укажемъ еще, мимоходомъ, на нѣкоторыя другія отрицательныя явленія, вызванныя войною и военнымъ положеніемъ, а именно: на исчезновеніе изъ обращенія золотой монеты и связанную съ этимъ невозможность размѣна крупныхъ бумажныхъ денегъ иначе какъ въ банкахъ, передъ которыми публикѣ приходилось часами ждать очереди; на устроенную испуганными обы-

вателями осаду мелочныхъ лавокъ, гдѣ буквально брали приступомъ сухіе овощи, кофе, сахаръ, соль и керосинъ. Истощивъ въ два-три дня всѣ свои запасы, многіе торговцы вынуждены были прекратить временно продажу, такъ что тѣ изъ покупателей, кто не захотѣли участвовать въ этой облавѣ, остались или могли остаться безъ предметовъ первой необходимости.

Не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ. Среди всѣхъ этихъ житейскихъ тревоженій, сборовъ и хлопотъ, Парижъ ни секунды не переставалъ чутко прислушиваться къ ближнему и дальнему бряцанію оружія. Утреннія, полуденныя и вечернія изданія газетъ съ официальными сообщеніями разбирались нарасхватъ тотчасъ по выходѣ и жадно поглощались всѣми отъ мала до велика тутъ же на улицѣ. Восторженнымъ эхомъ отозвалась въ сердцахъ вѣсть о первыхъ успѣхахъ доблестной французской арміи въ родномъ Эльзасѣ. Но энтузіазмъ достигъ своего апогея, когда наши войска послѣ блестяще выигранныхъ сраженій заняли Альткирхъ и Мюлузъ, когда генералиссимусъ Жоффръ обратился съ воззваніемъ къ „дѣтямъ Эльзаса“ отъ лица всей націи, толкающей впередъ своихъ героевъ-солдатъ, „въ складкахъ чьихъ знаменъ начертаны магическія имена права и свободы“. Даже трезвые умы, справедливо доказывавшіе, что въ стратегическомъ отношеніи эти успѣхи не имѣютъ никакого значенія, и тѣ на минуту отдались подхватившей всѣхъ волнѣ ликования. Почтенные, скептически настроенные, профессора Сорбонны наперерывъ назначали другъ другу свиданія въ Страсбургѣ, громко мечтали о томъ, какъ съ онѣмеченныхъ кафедръ раздастся вновь благородная французская рѣчь, какъ въ старомъ университетѣ зазвѣтитъ неувыдаемая французская цивилизація, которая никогда не была и не можетъ быть рабою деспотизма. ¹⁾

Въ это синее жаркое воскресное утро 9-го августа не было ни одной мансарды въ Парижѣ, ни одного окошка въ окрестныхъ мѣстечкахъ, гдѣ бы не игралъ въ лучахъ солнца хоть маленькій трехцвѣтный флагъ, хоть самый флагъ, который развѣвался теперь такъ гордо надъ эльзаской равниной. И, казалось, въ воздухѣ слышалось уже вѣяніе крыльевъ побѣды.

Ровно черезъ двѣ недѣли на это свѣтлое праздничное лицо легла черная тѣнь: послѣ трехдневнаго томительнаго ожиданія, 25-го августа Парижъ узналъ о пораженіи подъ Шарлеруа. Впечатлѣніе было потрясающее. Всѣ такъ вѣрили еще наканунѣ въ неотразимый натискъ союзниковъ. Въ тѣсномъ семейномъ кругу не только женщины рыдали, но плакали и взрослые мужчины, пессимисты уже хоронили будущее

¹⁾ Изъ наиболѣе знаменитыхъ свѣтилъ науки, преподававшихъ въ Страсбургѣ до занятія его нѣмцами, назовемъ Пастера, читавшаго тамъ въ 50-хъ годахъ, и Фюстель де Сулавижъ—до 70-го.

безконечно-милой, но хрупкой Франціи, раздавленной сапогомъ сильныхъ варваровъ. Никто однако не рѣшался показать чужимъ своей мучительной тревоги; напротивъ, всё выходило днемъ на улицу со спокойными, почти равнодушными лицами и при встрѣчѣ съ знакомыми гнали другъ другу, лишь избѣгая смотрѣть прямо въ глаза собесѣднику. Каждый пряталъ стыдливо свою, общую всѣмъ, рану подъ спартанскимъ плащомъ. Только дома спадали маски. Вечеромъ поздно зажглись въ домахъ одинокіе огни и едва ли кто-нибудь въ Парижѣ улыбулся мирно плывшей надъ столицей звѣздной ночи. Сколько тайныхъ слезъ, молитвъ и, можетъ быть, проклятій подслушала она.

А между тѣмъ худшія опасенія быстро начинали сбываться. Лѣвое крыло французской арміи стремительно отступало, и, точно горная лавина, неслась прорвавшая цѣпь армія генерала фонъ-Клюка по направленію къ Парижу, которому чудился уже топотъ приближающейся дикой орды. И рѣяли надъ головами зловѣщія германскія птицы, швыряя бомбы въ беззащитныхъ мирныхъ гражданъ, пугая нервныхъ женщинъ и доводя до истерическихъ припадковъ несчастныхъ малышей. Въ послѣднихъ числахъ августа началось бѣгство парижскихъ и пригородныхъ жителей на западъ и югъ—въ деревню, въ Альпы, къ океану или Средиземному морю, все равно куда, только подальше, возможно дальше отъ надвигающагося урагана. Бѣгство это въ теченіе нѣсколькихъ дней (отъ 30-го августа до 5-го сентября) носило, дѣйствительно, характеръ паники. На вокзалахъ, или, вѣрнѣе, передъ вокзалами, дни и ночи дежурили безконечные „хвосты“ для полученія билетовъ, выдававшихся въ кассѣ лишь наканунѣ; автомобили брались съ боя, на вѣсъ золота, такъ какъ они позволяли увезти съ собой все, что угодно, между тѣмъ какъ на желѣзныхъ дорогахъ съ 31-го августа прекратился приемъ багажа. Тѣмъ не менѣе на платформахъ всѣхъ станцій давка была невыразимая: таща тяжелые чемоданы, корзины и саки, обливаясь потомъ и задыхаясь, пассажиры переполняли всѣ поѣзда, тѣснились стоя въ биткомъ набитыхъ коридорахъ, нерѣдко забивались даже въ вагоны для скота. Путешествіе, такъ начинавшееся, понятно, совершалось и дальше въ ужасныхъ условіяхъ. Изъ-за постоянного движенія санитарныхъ и воинскихъ поѣздовъ, съ пѣхотой и артиллеріей, приходилось порою сутками проставать въ чистомъ полѣ безъ пищи, и, главное, безъ питья, что при 35° жарѣ и духотѣ было настоящей пыткой. При этомъ многіе страдали и нравственно не менѣе, чѣмъ физически, покидая передъ самымъ нашествіемъ варваровъ прекрасный любимый городъ, родное теплое гнѣздо, отъ которыхъ могло не остаться камня на камнѣ. 1) Гнало ихъ чувство ответственности, страхъ за довѣренное имъ

1) Въ замѣчательной статьѣ „*L'esprit qu'il faut avoir*“ (*Revue de Paris*, 1-е янв.) извѣстный историкъ Лавиньскі утверждаетъ, будто въ военные планы Германіи входило

молодое поколѣніе, въ которомъ залогъ будущей Франціи. И они по-неволѣ бѣжали вмѣстѣ съ другими, какъ трусливое стадо барановъ. Зато всѣ тѣ, кто остались, кто не смогли или не захотѣли покинуть оспротѣвшей столицы, откуда 2-го сентября выѣхало само правительство по требованію новаго начальника парижской крѣпости Гальени—всѣ до послѣдней минуты проявляли удивительное самообладаніе и присутствіе духа: и въ то время когда непріятель густыми колоннами подходилъ съ востока и сѣвера къ столицѣ, и въ то время когда послѣ неожиданнаго поворота его въ сторону загремѣли на Марпѣ и Уркѣ начавшія рѣшительное сраженіе французскія пушки.

Марнская побѣда. Ее Парижъ—и вмѣстѣ съ нимъ вся Франція—праздновалъ безъ малѣйшей экзальтаціи, не криками, пѣснями, иллюминаціями, а почтительнымъ преклоненіемъ передъ спасителями родины. Эта побѣда была куплена слишкомъ дорогою цѣною, чтобы можно было предаваться шумной радости передъ столькими раскрытыми могилами. Правда, послѣ нея блеснула вдругъ надежда на скорое окончательное изгнаніе врага изъ предѣловъ отечества, но почти тотчасъ она погасла,—слишкомъ прочно засѣли нѣмцы въ своихъ, заранѣе приготовленныхъ и укрѣпленныхъ, траншеяхъ на Энѣ. Тогда всѣ поняли, что необходимо запастись сокровищами терпѣнія, хладнокровія и выдержки, что начался неблагоприятный долгій періодъ осадной и подземной войны. И хотя именно эти качества такъ мало соотвѣтствуютъ живому впечатлительному національному темпераменту, кровавые уроки дѣйствительности напугали французовъ. И Парижъ преобразился по образу и подобию своей арміи, плоти отъ плоти самого народа, и сталъ неузнаваемъ.

III.

Новый ликъ Парижа.

Въ срединѣ октября, когда съ началомъ школьныхъ занятій, отложенныхъ всего на двѣ недѣли, парижане мало-по-малу, не безъ нѣкотораго недовѣрія, стали сѣзжаться, ихъ городъ, усиліями временнаго военнаго правительства, былъ уже превращенъ въ настоящій укрѣпленный лагерь. Охваченный поясомъ своихъ fortifications, въ обычное время служащихъ для праздничныхъ прогулокъ мѣстнаго рабочаго населенія, Парижъ заперъ теперь большую часть своихъ воротъ, наглухо заколотилъ ихъ досками и вырылъ глубокія „волчьи“ ямы съ проволочными загражденіями противъ блиндированныхъ германскихъ автомобилей. При-

разрушеніе Парижа, „кварталь за кварталомъ“ для того, чтобы принудить французское правительство заключить миръ.

городные трамваи должны были останавливаться приблизительно въ ста метрахъ отъ этихъ импровизированныхъ траншей; публика слѣзала и мимо дежурившихъ передъ заставой зоркихъ часовыхъ гуськомъ тянулась въ отворенную узкую дверь, выпускавшую и по ту сторону воротъ, къ городскимъ трамваямъ. Въ 8 час. вечера и это послѣднее сообщеніе прекращалось, и никто не могъ больше „ни пѣшкомъ, ни верхомъ“ выйти или войти въ отрѣзанную отъ міра столицу. Въ этотъ же часъ закрывались и кафэ, а въ 9 ч. рестораны, и городъ-свѣточъ погружался въ мракъ, прорѣзанный лишь снопами лучей электрическихъ прожекторовъ, оберегавшихъ его отъ вражескихъ налетовъ. Куда дѣвалась прославленная ночная жизнь Парижа? Ни театровъ, ни концертовъ, никакихъ вообще увеселеній, кромѣ рѣдкихъ и мало посѣщаемыхъ سینема. Скучно, пусто, неуютно. Многіе магазины, въ особенности магазины древностей, мѣховъ, картинъ, художественныхъ произведеній и всякихъ вообще предметовъ роскоши, глядятъ мертвыми глазами на свѣтъ: нѣмецкіе и австрійскіе торговые дома подъ секвестромъ, а на пшыхъ магазинахъ красуется подъ національными цвѣтами выразительная надпись: „*Fermé pour cause de mobilisation*“. Улицы, по сравненію съ обычнымъ наполняющимъ ихъ грохотомъ и гуломъ, поразительно тихи, ибо всѣ автобусы, столь излюбленные парижанами, на поляхъ битвы, гдѣ съ честью служатъ для продовольственныхъ цѣлей; наемныхъ таксомоторовъ тоже гораздо меньше обыкновеннаго; они вмѣстѣ съ частными экипажами и лошадьми отобраны у владѣльцевъ и мобилизованы еще съ августа мѣсяца. Иногда только проносятся со страшной быстротой и ревомъ военные автомобили, гроза пѣшеходовъ. Кое-гдѣ висятъ еще полинялые отъ дождя или выгорѣвшіе подъ солнцемъ флаги, но почти вездѣ они сняты, и не осталось больше никакихъ виѣшнихъ признаковъ того патріотическаго одушевленія, которымъ Парижъ трепеталъ и пылалъ въ концѣ лѣта. Мало даже уличныхъ сборовъ, до которыхъ французы вообще не охотники ¹⁾; только въ нѣкоторыхъ определенныхъ пунктахъ города, да на станціяхъ пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ звенятъ въ рукахъ молодыхъ дѣвушекъ-сборщицъ кружки Краснаго Креста. На всемъ лежитъ печать сѣрыхъ будней.

Изъ новыхъ силуэтовъ, мелькающихъ на бульварахъ, въ трамваяхъ и метро, особенно замѣтны характерныя бритыя фигуры англійскихъ солдатъ въ костюмахъ цвѣта хаки, съ неизмѣнными тростями и трубками, придающими имъ видъ туристовъ, а также живописные зуавы, рѣже свирѣпыя тюркосы и сенегалійцы, большей частью съ повязан-

¹⁾ Единственный блистательно прошедшій по всей Франціи уличный сборъ—это день бельгійскаго флажка (20-е декабря), давшій около двухъ милліоновъ франковъ, изъ коихъ больше половины пришлось на столицу и деп. Сены.

ными головами или опирающиеся на костыль. Передъ всѣми ранеными, къ какой бы расѣ они ни принадлежали, здоровые мужчины невольно опускаютъ глаза, а женщины съ материнскою кѣжностью ласкаютъ ихъ взглядомъ.

Парижанки, пзлщныя, элегантныя парижанки, какъ будто забыли, что такое мода, тряпки; всѣ одѣты просто, въ темныя *costumes tailleur* строгаго покроя съ небольшими и скромными шляпами, и появленіе маломальски эффектнаго или эксцентричнаго туалета видимо шокируетъ, шокируетъ какъ проявленіе дурнаго тона, какъ рѣжущая ухо фальшивая нота. Все чаще и чаще, увы, встрѣчается трауръ, но скорбь о погибшемъ героѣ даже виѣшне принимаетъ смягченныя формы: бордюръ бѣлаго крепа среди черныхъ вуалей обрамляетъ и отдѣляетъ молодое или старое лицо той, которая понесла только что тяжелую утрату.

Въ свѣтѣ сами собою прекратилась выѣзды, приемы и обѣды. Никто больше не „принимаетъ“ и не „приглашаетъ“; собираются лишь для интимной бесѣды, а дамы для совмѣстной работы, и всѣ безъ исключенія женскія руки заняты неутомимымъ вязаньемъ теплыхъ вещей для солдатъ и для *réfugiés*, бѣженцевъ. По мѣрѣ того какъ увеличивается кругомъ нужда, растеть и принимаетъ все болѣе широкіе размѣры организація общественной помощи и филантропическая дѣятельность комитетовъ частныхъ лицъ. Работаютъ всѣ, кто какъ можетъ.

Едва ли не единственное воскресное развлеченіе состоятельныхъ парижанъ, это—поѣздки на траншеи, начинающіяся километровъ въ 30—40 отъ столицы и сооруженныя по послѣднему слову технического искусства, съ подземными залами, дортуарами, устланными соломой, ваннами, канализаціей и т. д. Въ этой огромной, съ сентября начавшейся работѣ участвуютъ и синдикаты землекоповъ, и просто безработные рабочіе, и порою подонки общества, ашши, часто терроризирующіе своихъ случайныхъ товарищей, и наконецъ, увы, голодные русскіе эмигранты изъ интеллигентовъ, не брезгующіе никакимъ трудомъ. Въ результатѣ Парижъ дѣйствительно укрѣпленъ и великолѣпно можетъ защищаться. Такъ какъ посѣщать траншеи доступно далеко не всѣмъ, то большинство публики замѣняетъ его осмотромъ военныхъ трофеевъ—7 неприятельскихъ знаменъ въ „Dome des Invalides“, близъ величавой гробницы Наполеона. Больше по части „развлеченій“, съ закрытіемъ музеевъ и постоянныхъ выставокъ, не остается ничего... если не считать почти еженедѣльныхъ визитовъ *Taubes*, которые, впрочемъ, немедленно прекратились, какъ только начальникомъ воздушнаго парка назначенъ былъ генералъ Гиршауэръ.

Своеобразно красиво отпраздновалъ Парижъ 1-го и 2-го ноября день памяти мертвыхъ—*le jour des morts*, почтивъ торжественной тризной павшихъ на полѣ чести анонимныхъ героевъ. Съ ранняго утра толпы на-

рода съ цвѣтами въ рукахъ наполняли тѣ кладбища, гдѣ похоронены солдаты 1870-го и солдаты 1914-го гг. и передъ которыми были сооружены высокіе столбы съ національными флагами. Обнаживъ головы передъ братскими могилами, въ благоговѣйномъ молчаніи выслушали они прочувствованныя слова, произнесенныя представителями города и избранныками народа, и затѣмъ медленно шли дальше. Прекраснѣе всѣхъ этихъ дышащихъ патриотизмомъ рѣчей, всѣхъ официальныхъ манифестацій была слѣдующая нѣмая сцена. Къ небольшому зеленому холму подходитъ ровнымъ твердымъ шагомъ группа военныхъ: впереди молодой французскій лейтенантъ съ букетомъ алыхъ розъ, повязанныхъ трехцвѣтной лентой, за нимъ два англійскихъ офицера въ парадной формѣ. Всѣ трое разомъ останавливаются передъ свѣжимъ курганомъ, и, въ то время какъ англичане прикладываютъ руки къ козырьку фуражекъ, предводительствующій лейтенантъ-французъ кладетъ свой букетъ къ подножію креста и съ неизъяснимымъ выраженіемъ во взглядѣ широкимъ жестомъ отдаетъ честь выхваченной изъ ноженъ шашкой. Затѣмъ вся группа тѣмъ же ровнымъ твердымъ шагомъ удаляется.

Въ этомъ грандіозномъ символическомъ праздникѣ „для мертвыхъ“ вылилась вся любовь Франціи къ терзаемой злымъ хищникомъ родинѣ, весь піететъ къ священной памяти ея защитниковъ. Помимо этихъ благородныхъ эмоцій, свидѣтельствующихъ о высокомъ душевномъ строѣ всего народа, въ немъ страшно сильна и ненависть къ наслѣдственному врагу; великій гнѣвъ за поруганныя національныя святыни, за неслыханныя насилія и преступленія противъ человѣчности и права, и презрительное омерзѣніе къ нравственному убожеству тѣхъ самыхъ варваровъ, грозное мщеніе которыхъ открыто признается всѣми.¹⁾ Чувства эти распространяются теперь на всю Германію, а не только, какъ это было вначалѣ, на одну касту юнкеровъ, считавшихся единственно виновными въ разразившейся катастрофѣ. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ смутившій даже друзей Германіи манифестъ 93-хъ не соединилъ знакомъ равенства дисциплинированное воинство Вильгельма II съ блестящими представителями современной нѣмецкой культуры? Недаромъ пылкій Эрвэ по обнародованіи этого замѣчательнаго человѣческаго документа воскликнулъ, обращаясь къ солдатамъ французской арміи: „Tous se valent maintenant, tirez dans le tas“!

Общая любовь и общая ненависть спаяли то духовное единство Франціи, благодаря которому смогла полувѣковая распря, какъ ржавчина желѣзо, развѣдавшая государственное тѣло третьей Респуб-

¹⁾ Презрѣніе это ни въ чемъ не сказывается такъ ясно, какъ въ остроумной кличкѣ *les Boches*, до такой степени привившейся къ нѣмцамъ, что окончательно вытѣснило столь распространенное раньше въ народѣ *Prussien*.

лики. На нашъ взглядъ, однако, и преждевременно въ настоящій моментъ подводить итоги, толковать о какихъ-либо переменахъ въ политическомъ или религіозномъ міросозерцаніи общества. Всѣ тѣ явленія, на которыя обращаютъ усиленное вниманіе любители обобщеній, касаются лишь вѣчно-колеблющейся поверхности народнаго моря, и никто изъ насъ не знаетъ, что творится и что зрѣеть въ его глубинахъ. Такъ, нельзя дѣлать никакого вывода пока изъ того факта, что въ церквахъ больше прежняго молящихся, преимущественно, конечно, женщинъ. О нихъ еще Ренанъ сказалъ: „Si vous fermez les églises, les femmes où iront elles prier?“. Пока несомнѣнно лишь одно, и это самое важное: умирать *pro patria* умѣютъ всѣ равно, и вѣрующіе и безбожники; одинъ умираетъ съ молитвой, другой—съ лебединой пѣсней о свободѣ на устахъ, вотъ и вся разница ¹⁾. Ежедневно намъ сообщаютъ о геройской или мученической смерти, доблестныхъ подвигахъ то священника-сержанта, то вчерашняго анархиста, антиклерикала, нынѣ дружно соединившихся подъ общимъ знаменемъ. А какія чудесныя, искрящіяся юморомъ, дышущія беззавѣтной отвагой письма шлютъ всѣ „мохнатые“ (*les poilus*) изъ этого ада кромѣшняго тѣмъ, кто остался позади. И на всѣ лады повторяютъ они, что это „война противъ войны“. Воистину Франція доказала міру свою жизнеспособность, французскій народъ спасъ самъ себя. Но сколько жертвъ уже принесъ онъ, сколько жестокихъ потерь среди цвѣта небольшой 38-милліонной націи. Безпрестанно газеты печатаютъ некрологи погибшихъ въ бою писателей, ученыхъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей, самыхъ различныхъ направленій и отгѣнковъ. Число ихъ,—увы!—все растетъ, и порою страшно становится за будущее всей французской культуры. Но, кажется, пальма первенства принадлежитъ въ этомъ отношеніи золотой университетской книгѣ—*le livre d'or de l'Université* ²⁾, а въ ней на почетномъ мѣстѣ стоятъ относящіяся къ учащейся молодежи слишкомъ краснорѣчивыя цифры. Въ *Ecole Normale*, этомъ питомникѣ настоящаго *esprit français*, изъ 180-ти ушедшихъ на войну студентовъ убито уже 35 человекъ, ранено, пропало безъ вѣсти или въ плѣну 60 ³⁾. Также велика убыль въ рядахъ слушателей *Ecole Polytechnique, Ecole Forestière Centrale* и другихъ высшихъ учебныхъ

¹⁾ Приведемъ среди примѣровъ слѣдующій трогательный разсказъ. Въ госпиталѣ умираетъ отъ ранъ 17-лѣтній юноша-доброволецъ изъ Эльзаса. За нѣсколько минутъ до кончины онъ въ полномъ сознаніи простился со всѣми своими товарищами по палатѣ, поблагодарилъ тѣхъ, кто ухаживалъ за нимъ, потомъ заиѣлъ марсельезу и пѣлъ ее до послѣдняго своего вздоха. (*Temps*, 19 янв., 1915 г.)

²⁾ Во Франціи понятіе *Université* охватываетъ всѣ разряды школь—и низшія, и среднія, и высшія, а не только, какъ у насъ, одинъ чистый типъ высшей школы.

³⁾ Цифры эти даны намъ были мѣсяць тому назадъ и съ тѣхъ поръ, безъ сомнѣнія, еще возросли.

заведеній, не говоря уже о спеціально военныхъ училищахъ; объясняется она тѣмъ, что всѣ эти молодые люди находятся на передовыхъ позиціяхъ въ качествѣ младшихъ офицеровъ, часто командующихъ митральезами и, слѣдовательно, подвергаются бѣльшей, по сравненію съ другими категоріями гражданъ, опасности. Во всякомъ случаѣ ни одинъ классъ населенія не можетъ позавидовать буржуазной интеллигенціи и никто не въ правѣ утверждать, будто она бережетъ своихъ дѣтей больше, чѣмъ дѣтей пролетаріата.

При этихъ условіяхъ немудрено, что вся интеллектуальная, и въ частности академическая жизнь столицы еле-еле теплится. Сорбонну трудно узнать, до такой степени храмъ науки утратилъ свой знакомый и милый всѣмъ завсегдатаямъ обликъ огромнаго трудового улья, гдѣ непрерывно кипитъ и зрѣетъ творческая мысль. Остались только безусые 17 и 18-лѣтніе юноши, немногіе *réformés*, кое-кто изъ иностранцевъ и женщины, изъ коихъ едва ли не большинство думаетъ о своихъ обязанностяхъ сидѣлокъ больше, нежели о занятіяхъ философій и ботаникой, объ изученіи восточныхъ языковъ или космографіи. На *Faculte des sciences* закрылись нѣкоторые кабинеты и лаборатории; въ библиотекѣ и читальномъ залѣ—пустыня, нѣсколько десятковъ склоненныхъ надъ книгами головъ вмѣсто обычной многолюдной толпы. Кредиты сокращены до послѣдней возможности; такъ, въ 1915 г. рѣшено не выписывать ни иностранныхъ книгъ, ни журналовъ. Профессора читаютъ передъ осиротѣвшими скамьями и съ невольной тревожной грустью вспоминаютъ своихъ далекихъ учениковъ. Живутъ лишь публичныя аудиторіи, въ которыхъ говорятъ объ исторической миссіи союзныхъ народовъ и о низложеніи и эволюціи пангерманизма, о томъ, какъ земля, родившая Гёте и Канта, могла дойти въ XX вѣкѣ до полнаго паденія своего этического идеализма. Тѣ же остро волнующія общество темы разрабатываются и на столбцахъ наиболѣе серьезныхъ газетъ, не питающихся исключительно военными телеграммами и анекдотами, и на страницахъ толстыхъ журналовъ, всецѣло посвященныхъ всемірной злобѣ дня ¹⁾. Наиболѣе интересныя, подписанныя авторитетными именами, статьи являются отвѣтомъ на позорный манифестъ 93-хъ, пытаются разъяснить, въ чемъ основное отличие нѣмецкой *Kultur* отъ французской цивилизаціи, „неотъемлемой отъ идей истины свободы, лояльности и универсализма“ ²⁾. Всѣ

1) Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны газеты, какъ извѣстно, выходили въ сокращенномъ размѣрѣ, а журналы и совсѣмъ было приостановились: нехватало ни бумаги, ни рабочихъ рукъ.

2) *René Gillemain*: Psychologie du germanisme (*Revue de Paris*, 1 янв. 1915 г.). Въ этомъ журналѣ появились еще слѣдующіе превосходные этюды, 15 ноября *Lavis*: La Guerre (рѣчь, произнесенная 5 н. на открытіи Faculté des Lettres) и *Gauvain*:

успія критическаго ума и полеты поэтической фантазіи направлены въ одну точку, всё духовныя силы сконцентрированы на одномъ объектѣ: внѣ вопроса о національной защитѣ—вопроса не самолюбія или даже чести, а жизни или смерти—нѣтъ и не можетъ быть интенсивной творческой работы. Поэтому нѣтъ и новыхъ словъ ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, врядъ ли много ученыхъ трудовъ будетъ закончено до заключенія мира, врядъ ли много диссертацийъ будетъ защищено въ залѣ доктората и, помимо *Institut de France*, не много будетъ засѣдать въ 1915 году ученыхъ обществъ; и во всякомъ случаѣ Парижъ не увидитъ весною своихъ „Салонновъ“ въ огромномъ дворцѣ искусствъ, уже превращенномъ въ военный госпиталь. И никто сейчасъ не пишетъ стиховъ и романовъ, а главное, никто ихъ не читаетъ.

Одъпенѣніе это проявляется и на экономическомъ поприщѣ, на которомъ до сихъ поръ властвуетъ тормозящій всё дѣла мораторіумъ. Пока врагъ не будетъ вытѣсненъ изъ захваченныхъ имъ наиболѣе богатыхъ и цвѣтущихъ областей Франціи, нормальное теченіе промышленной дѣятельности восстановлено не будетъ; это тѣмъ болѣе вѣрно, что отъ французскихъ *industriels* и *hommes d'affaires* скорѣе можно вообще требовать жертвъ, чѣмъ подвига инициативы.

Тѣмъ не менѣе за послѣднее время съ разныхъ сторонъ дѣлаются добросовѣстные попытки выйти изъ полосы мертваго штиля, дать просторъ скованной энергіи и по возможности смягчить суровый лѣкъ нѣкогда легкомысленнаго и суетнаго „Вавилона“. Прежде всего распахнулись гостепріимно городскія ворота, засыпался волчьи ямы и вновь началось прямое сообщеніе съ Парижемъ и безпрепятственное движеніе трамваевъ черезъ заставы, но только до 9 час. вечера. Мало-по-малу оживились и улицы, и многіе закрывшіеся со дня мобилизаціи магазинны подняли свои ставни и возобновили прерванную торговлю. Заработали также и остановившіеся было мастерскія и заводы, благодаря тому, что правительство, желая поднять экономическую жизнь страны, отозвало съ передовыхъ позицій извѣстное количество фабрикантовъ, инженеровъ и подрядчиковъ. Участились заказы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, повысился немного и темпъ парижской жизни. Въ двадцатыхъ числахъ ноября, послѣ неоднократныхъ отказовъ военныхъ властей, театрамъ дано было давно просимое разрѣшеніе, и они робко пріотворили свои двери, пока лишь для дневныхъ представлений. Вѣрныи своимъ традиціямъ „домъ Мольера“ открылъ поздній сезонъ трагедіями Корнеля *Гораций* и *Сидъ*. Прославленіе ге-

Origines de la guerre 15 дек. *Lanson*: Culture allemande, humanité slave и *Müle*: La Cathédrale de Reims; 1 янв. *Bédier*: Atrocités allemandes d'après les témoignages allemands (вышло брошюрой).

роических добродѣтелей, достойныхъ древняго Рима, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило сочувственный приѣмъ у воспитанной на классическихъ образцахъ публики. Меньше, чѣмъ *Comédie Française*, посчастливилось оперѣ и концертамъ, главнымъ образомъ изъ-за вынужденнаго строжайшаго бойкота всей нѣмецкой музыки: единственный гениальный французскій композиторъ Берліозъ, очаровательный, пламенный Бизэ и прочіе *dii minores* не могутъ замѣнить истиннымъ цѣнителямъ запретные сладкіе плоды Бетховена, Шумана, Вагнера... Что же касается другихъ драматическихъ театровъ, то они либо совсѣмъ не играютъ за недостаткомъ средствъ и труппы, либо прозябаютъ, не имѣя подходящаго репертуара. Пусть кинематографы демонстрируютъ недавно разрѣшенныя цензурой картины „съ натуры“, художественное чутье и прирожденный тактъ парижской интеллигенція не позволяютъ ей лицезрѣть на сценѣ болѣе или менѣе искусныя поддѣлки подъ страшную дѣйствительность, а старыя адюльтерныя пьесы—кого онѣ сейчасъ могутъ тронуть? Зато большимъ заслуженнымъ успѣхомъ пользуются благотворительные спектакли и концерты то въ пользу бѣженцевъ, то въ пользу самихъ раненыхъ или же давно голодающихъ артистовъ, а въ особенности популярны такъ называемыя „національныя утра“ (*matinées nationales*), доступныя по цѣнѣ всѣмъ карманамъ (отъ 3 и до 1 франка). Послѣ вступительнаго слова, всегда съ подъемомъ произносимаго какимъ-нибудь виднымъ писателемъ, часто изъ академиковъ, пѣвцами и актерами исполняются различные музыкальные номера и *récitation*, наиболѣе соотвѣтствующіе патриотическому вкусу слушателей. Въ заключеніе оркестръ играетъ гимны всѣхъ союзныхъ державъ, неизмѣнно встрѣчаемые аплодисментами; когда же раздаются могучіе звуки марсельезы, то ихъ хоромъ подхватываетъ наэлектризованное собраніе, въ которомъ мелькаетъ немало военныхъ мундировъ, и всѣ расходятся, унося съ собою на остатокъ дня воспоминаніе о чемъ-то бодромъ и свѣтломъ, вдругъ блеснувшемъ среди окружающихъ сумерекъ.

Но несмотря на всѣ усилія стряхнуть давящій грудъ кошмаръ, Парижъ въ его власти. Правда, Парижъ попрежнему, и даже больше прежняго—увѣренъ въ конечномъ торжествѣ союзниковъ, правда, въ немъ не замѣтно ни нервности, ни даже нетерпѣнія, но пропала былая, бьющая ключомъ, жизнерадостность, выдохся тотъ легкій, чуть насмѣшливый—*blagueur*—духъ, который, какъ аттическая соль, приправлялъ раньше разговоръ парижанина ¹⁾. Да иначе и быть не можетъ. Вѣдь гибнуть тысячами лучшіе сыны Франціи, вѣдь стонетъ еще подъ ненавистнымъ игомъ изнасилованнаго Бельгія и вмѣстѣ съ ней значительная часть род-

¹⁾ Говорятъ, духъ этотъ сохранился на передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ, гдѣ *le parigot* увлекаетъ своимъ остроуміемъ, своею *blague* всѣхъ товарищей.

ной земли, съ головы до ногъ окутанной траурнымъ флёромъ! И на каждомъ шагу война даетъ себя чувствовать въ самой столицѣ, грозно напоминая о томъ, что врагъ всего въ 80-ти килом. отъ нея. Въ эти дни испытанія и скорби всякій инстинктивно чувствуетъ, что веселье неприлично, но также хорошо понимаютъ всё и то, что не нужно унынія. *Union, silence, sérénité*—сказаль, характеризуя настроеніе столицы и страны, министр-президентъ Вивіани 22 декабря на историческомъ засѣданіи парламента, опять верпувшася послѣ почти четырехмѣсячнаго изгнанія въ сердце Франціи. И онъ сказаль правду. Только что окончившіеся праздники еще разъ—и такъ ясно—показали это.

Съ трогательной солидарностью Парижъ организоваль отправку рождественскихъ гостинцевъ дорогимъ воннамъ, — здоровымъ въ окопы, больнымъ и раненымъ во всё городскіе госпиталы. Въ большихъ гастрономическихъ магазинахъ столы ломались подъ тяжестью заготовленныхъ по этому случаю корзины съ жареной птицей, горь шоколада, печенья и конфетъ, коробокъ консервовъ и ящичковъ фруктовъ; въ кондитерскихъ красовались трехцвѣтныя бонбоньерки съ соответствующими картинками и надписями. О полезныхъ подаркахъ, какъ-то: теплыя вещи, табакъ, папирсы, писчая бумага и прочее, мы и не говоримъ: безъ нихъ не обходилась ни одна посылка. Не было навѣрное ни одной самой бѣдной рабочей семьи, гдѣ бы не позаботились о томъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь порадовать ушедшаго мужа, сына или брата, въ то же время отказывая себѣ къ празднику въ самомъ необходимомъ. Во всёхъ пансіонахъ, гимназіяхъ и очутог'ахъ дѣвочки и дѣвушки торопливо вязали безчисленные носки, перчатки, фуфайки, жилетки и шлемы „roug pour bons soldats“, а въ народныхъ школахъ ученики постарше сами отказывались отъ ёлки, чтобы употребить эти деньги на солдатскія *étrennes*. И каждый день огромные, до верху нагруженные пакетами, автомобили, фургоны несли туда на линію огня, защитникамъ родины вмѣстѣ съ ея дарами и привѣтомъ частицу той нѣжной благодарности, которою полна черезъ край душа этой родины.

Не забыли парижане въ этомъ году и ребятишекъ, прежде всего тѣхъ жалкихъ маленькихъ кочевниковъ, очаги которыхъ разрушены, а затѣмъ и всёхъ тѣхъ, чьи отцы такъ славно дерутся противъ *les Boches*. Во всё эти дѣтскіе башмачки *le père Noël*, согласно доброму французскому обычаю, положилъ украдкой свой сюрпризъ; щедрой рукой розданы были въ комитетахъ бѣженцевъ и мэріяхъ и зимнее платье, и незатѣйливыя игрушки, и скромныя лакомства. Но только одни личики дѣтей сіяли нынче невинной радостью, и печально, сквозь слезы, улыбались имъ одинокія матери. Быть можетъ, впервые за все время своего христіанскаго существованія Парижъ не праздноваль традиціоннаго *réveillon* 24-го декабря и не встрѣчалъ 31-го Нового года. Кафэ и ресто-

раны погасили свои огни въ сочельникъ въ положенный часъ, какъ и во всѣ послѣдующіе дни, и по темнымъ улицамъ не звучало ни пѣсенъ, ни смѣха, ни говора.

Въ кровавомъ туманѣ взошла Рождественская звѣзда, и въ небесахъ ангелы тихо-тихо запѣли:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ“... Да, миръ, далекій желанный, *нашъ* миръ. Кто изъ насъ не призывалъ его всѣми помыслами, всѣми мечтаніями своими? Онъ наступитъ, онъ долженъ наступить вмѣстѣ съ настоящимъ Новымъ годомъ, съ новой свѣтлой эрой, когда вздохнетъ, наконецъ, укротившая звѣря освобожденная Европа.

М. Лотъ-Бородина.

Парижъ, 10 (23) января 1915 года.